

СООБЩЕНИЯ

Борох Роберт

БАГРАТИОНОВСК 2015 (РОССИЯ) – ПРОЕКТ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ (ЭСКИЗ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Статья посвящена обзору теоретических аспектов в изучении пограничных территорий, которые во многих случаях не получают заслуженного внимания в рамках антропологических исследований. В обсуждении приводится отчет о полевом проекте в г. Багратионовск Калининградской обл., Россия (до 1946 г. – Прейсиш-Эйлау, Восточная Пруссия), включающий фотоматериалы.

Ключевые слова: *антропология Центральной и Восточной Европы, дискурс границы, Россия, Багратионовск.*

Введение

Определение «антропологическая экспедиция» стало частым элементом польского культурологического дискурса, хотя на самом деле оно заменило иное, ранее уже существовавшее – «этнографическая экспедиция». Однако эти определения не следует воспринимать как синонимы ввиду существенных различий между методолого-эпистемологической полевой антропологией и этнографией¹. Питер Джаст и Джон Монаган в небольшом исследовании «Social and Cultural Anthropology»² обращают внимание на то, что антропология, несмотря на использование этнографических методов познания, этнографией не является. Эти же авторы подчеркивают, что антропологические экспедиции не планируются с методологической точки зрения, а отсутствие заранее назначенной цели, по мнению этих авторов, оказывает положительное влияние, так как вмешательство исследователя в виде предварительного планирования результата исследования является ограниченным. Различают два в корне отличных метода сбора антропологических данных. Первый подразумевает длительное пребывание антрополога в исследуемом регионе, прекрасное владение этническим языком, а также частичную или полную ассимиляцию. Второй метод, к которому прибегают чаще, основывается на непосредственном и непродолжительном наблюдении за общественными структурами в данном регионе, установлении контактов, выявлении лидеров этнических групп, беседах и интервью. Первый метод носит название этнонауки (с англ. *ethnoscience*), а второй – антропологической герменевтики³. Коренные различия между этнонаукой и антропологической герменевтикой заключаются в отношении исследователя к объекту познания, коим является конкретная культурная среда (соотв. этническая). Этнонаука сводится, таким образом, к сбору антропологических данных с перспективы этнической группы, что в тематической литературе носит название местного (локального) знания (соотв. туземного знания, с англ. *indigenous knowledge*), в данном случае от антрополога ожидается участие в изучаемой культуре. Такой подход называется эмическим (с англ. *emic*). В свою очередь, антропологическая герменевтика подразумевает диалог и сотрудничество между исследователем и местным жителем (соотв. автохтоном), и выражается она в совместной критической рефлексии на тему культурных явлений, за которыми ведется наблюдение. Это напоминает особый вид медитации либо формулирования общей точки зрения в отношении, например, определенных общественных явлений, идеологических течений. Оба метода могут быть объединены исследователем-наблюдателем в один, в

¹ Just and Monaghan, 2000.

² Там же.

³ Buchowski i Burszta, 1992.

зависимости от специфики объекта познания. Тем не менее следует отметить, что в случае сбора антропологических данных, к примеру, в Европе, нет необходимости прибегать к первому методу прежде всего в связи со стандартизацией культуры и идеологизацией общественных явлений, что может быть следствием, например, высокого уровня политико-экономической сознательности и исторического преобладания социальных структур. Второй метод кажется более уместным. Он требует меньших финансовых и технологических затрат (в виде фотографического материала, видео, звукозаписи и т.д.) и времени; при этом сохраняется удовлетворительный уровень (разумеется, до определенной степени) внимания к деталям. Недостаток первого метода заключается в том, что существует риск утраты беспристрастности со стороны исследователя-наблюдателя; во втором случае может случиться так, что мы получим нестабильное описание объекта познания настолько, что в нем могут содержаться входящие в противоречие между собой элементы⁴. Подытоживая, можно сделать вывод: 1) объектом познания антропологии выступает «натуральная среда этнической группы», т.е. такая «среда», в которой конкретная этническая группа «фактически проживает» с самого начала своего «культурного существования». Обратим внимание на следующее определение: «начало своего “культурного существования”»; 2) объект познания антропологии – «натуральная среда этнической группы» в её повседневной истории (соотв. антропология повседневности)⁵. В данной статье я хотел бы рассмотреть проблему получения антропологических данных с использованием второго метода на примере резонансного антропологического исследования, проведенного в 2015 г. в российском городе Багратионовске.

1. Исследовательские предположения

1.1. Методологические проблемы

В случае Багратионовска необходим теоретико-методологический подход к проблемам характерного для данного географического региона явления, заключающегося в противопоставлении «коренной культуры» «культуре собственной». В 1945–1947 гг. территория Восточной Пруссии, о которой идет речь, была принудительно «заселена по этническому принципу». Коренные жители были вынуждены в принудительном порядке покинуть свои дома в два этапа: 1) эвакуация в связи с военными действиями; 2) этническая чистка (выселение). Второй этап по-прежнему остается достаточно щекотливой темой как для польских, так и для немецких историков (этот аспект не будет затронут в данной статье). Тут я хотел бы обратить внимание на «общественно-культурнообразующие процессы», имевшие место на этой территории вследствие особых обстоятельств, при несущественном участии коренного населения, которое, покидая территорию Восточной Пруссии, оставляло после себя инфраструктуру, в том числе постройки в фермерских хозяйствах, здания общественного назначения (больницы, школы, пункты пожарной охраны), промышленные предприятия (лесопилки, пивоварни), железнодорожную транспортную сеть, и т.д.⁶. В целях уточнения, дабы облегчить погружение в «общественно-культурнообразующие» процессы, мы введем разграничение на принимающую

⁴ Проблема достоверности описания не была мной затронута ввиду того, что были засвидетельствованы случаи манипуляции антропологическими данными, с целью сохранения однородного характера избранной исследовательской стратегии (например, боасовской антропологии). Но это далеко не единственный случай. В гуманитарных науках этот механизм весьма распространен.

⁵ См.: Domańska, 2012.

⁶ В ходе бесед с местными жителями я выяснил, что учителя местной школы перед тем, как покинуть город, укрыли школьное имущество от уничтожения и разграбления. То, что такое действительно практиковалось, подтверждают также другие источники, в том числе в г. Бикупце (нем. Bischofsburg). URL: <http://www.bischofsburg.de/>. Дата посещения 29.01.2015.

культуру (анг. host, далее: Н) и пришлую (принимаемую) культуру (анг. alluvial, далее А). Упоминаемая выше проблема дополнительно осложняется тем, что на территорию Восточной Пруссии «сверху» переселялись т.н. «репатрианты из-за Буга», а также жители Бескид, в ходе операции «Висла» (1947–1950)⁷. Перед переселенцами встала необходимость повторной организации неформальных структур общественной жизни. Другим проблематическим вопросом была формальная организация общественных структур, которая в основном заключалась в унификации в рамках нового государства, Польши или СССР. Данная унификация проводилась в сферах: 1) этнической политики – имело место этническое смешение, повторное «заселение» с сохранением высокой этнической разнородности, в особенности на советской стороне; 2) пропагандистской политики – проводилась идеологическая «обработка» (оставшегося) коренного (преимущественно немецкого) варминского или мазурского населения; 3) религии⁸ – заключалась в ликвидации структур немецкой евангелическо-аугсбургской церкви: на польской стороне, например, были случаи передачи имущества евангелической церкви римско-католической церкви (речь идет о приспособлении церковью под нужды римско-католической литургии⁹), в то время как на советской стороне имело место разрушение церковных зданий либо их переделка под иные (не религиозные) нужды; 4) политико-этнической истории – производилась работа по формированию идеологизированного дискурса, подводящего базу под историко-этническую принадлежность к новым государствам: ПНР и СССР. Пункты (1)–(4) представляют собой элементы стратегии «культурной колонизации» (антропологической агрессии)¹⁰.

1.2. Когнитивные цели антропологической экспедиции: Багратионовск 2015 (предложение)

Главные исследовательские цели проекта касаются следующих проблем:

1. Информационно-проблемная часть:

А. Описание «застигнутой действительности» (2015): ознакомление с «повседневной историей» местных жителей.

Б. Этническая структура города и окрестностей.

В. Миграция: 1) причины миграции; 2) основные центры миграции.

Г. Экономика города: 1) природные ресурсы; 2) текущее использование природных ресурсов (промышленные предприятия); 3) туризм; 4) коммерция; и т.д.

Д. Городская инфраструктура.

2. Антрополого-этнографический раздел информационно-проблемной части. Культура Н vs культура А: российская и польская:

А. Материальные следы культуры Н: артефакты культуры Н: материальные, символические и т.д.;

Б. Присутствие «материальных артефактов» культуры Н: 1) светская и церковная архитектура; 2) некрополи и т.д.;

В. Символизация «материальных артефактов» культуры Н: 1) символизация в архитектуре; 2) символизация в обиходе; 3) кулинария – способы приготовления пищи, навыки питания и т.д.; 4) символизация архитектурных орнаментов; 5) языковые заимствования; и т.д.

⁷ См.: Domagała, 2009.

⁸ См.: Otello, 2003.

⁹ Например, церковь блаженной Каролины Кузки в Бискупце.

¹⁰ См.: R. Borocho, Wywiad antropologiczny – przyczynek do antropologii stosowane. “Bezpieczeństwo. Obronność. Socjologia”. Wojskowe Biuro Badań Społecznych, 2016. № 1, t. 5. Готовится к печати.

Г. Наложение на культуру Н культуры А (польской и российской): 1) религиозные праздники; 2) закрепление памяти *vel* очищение памяти – памятники, музеи, названия улиц, святые покровители школ; 3) культурная память города: памятники; (4) степень интеграции культуры Н и А: взаимопроникновение.

3. Антропо-этнографический раздел антрополого-этнографического раздела информационно-проблемной части. Культура А: российская и польская на «руинах» культуры Н:

А. Культурообразующие процессы, формирующие новое качество: 1) формальные процессы, связанные с плановыми мероприятиями властей; 2) самопроизвольные процессы.

4. Аналитическая часть:

А. Критический дискурс-анализ: Россия – Польша – Европейский Союз – культурно-цивилизационные угрозы;

Б. *Граница – пограничье* как социальный феномен: достоинства (англ. advantage) и недостатки (англ. disadvantage) в перспективе: 1) общественной: межчеловеческих контактов; 2) экономической: торговый обмен (формальный и неформальный); 3) идеологической и пр.

Исследовательские проблемы были поделены на четыре части: 1) информационно-проблемная часть; 2) антрополого-этнографическая часть (1): Культура Н vs культура А: российская и польская; 3) антрополого-этнографическая часть (2): культура А: польская и российская на «руинах» культуры Н; а также (4) аналитическая. Части (1)–(3) носят эмпирический характер, а часть IV – герменевтический.

2. Багратионовск

2.1. Исторический очерк

Багратионовск (польск. Iława Pruska, Iławka; нем. Preußisch Eylau) – небольшая местность (около 7 тыс. жителей), расположенная в Российской Федерации, в Калининградской области, на расстоянии около 1500 м от границы с Польшей (въезд со стороны Бартошице – через пограничный переход Безледы). Город (поселение) имеет подкрепленную документами историю уже с 1325 г.: именно в этом году великий магистр Тевтонского ордена Вернер фон Орзельн заложил замок, вокруг которого возникло поселение (нынешний Багратионовск); с 1326 г. замок носил название *Ule*; с 1379 г. *Эйлау*, а с 1400 г. – *Прейсиш-Эйлау*¹¹. Нынешнее название города происходит от фамилии Петра Багратиона (1765–1812), героя войны с Наполеоном, скончавшегося в результате ранений, полученных во время Бородинской битвы. Необходимо отметить, что 7 и 8 февраля 1807 г. (в ходе войны против IV антифранцузской коалиции) неподалеку от города произошла кровавая битва между наполеоновскими и российскими войсками. Битва известна в польской литературе под названием «сражения под прусской Илавой» (англ. Battle of Eylau). Битва эта, несмотря на огромные утраты с обеих сторон, не принесла разрешения войны. Город оставался в руках французов между 7 и 17 февраля 1807 г.; в здании суда располагалась штаб-квартира армии Наполеона.

2.2. Въезд в город со стороны г. Безледы (Польша)

Въезд в Багратионовск с польской стороны находится в Безледах (автомобильный пограничный переход, см. фото 1). В город ведет дорога среди зелени с густо засаженной деревьями обочиной (см. фото 2 и 3). С правой стороны, у самого въезда в город, расположен парк (см. фото. 4), в котором находится памятник сражению под Эйлау (польск. Iława Pruska, ныне Багратионовск) (см. фото 5). В настоящее время (2015 г.) это одно из любимых мест встречи не-

¹¹ Horst, 1998.

формалов, а также фотосессий молодоженов. Популярностью пользуется выкладывание лепестков свежих цветов в форме сердца (см. фото 6). Недалеко от парка расположена стела, приветствующая въезжающих в город (см. фото 7); на этой стеле виднеется название города на русском и немецком языках, герб города, а также государственный флаг Российской Федерации.

2.3. Центр города

Центр города представляет собой просторную площадь с расположенным в центре бюстом Петра Багратиона (см. фото 8), взгляд которого устремлен в сторону церкви (Храм Веры, Надежды, Любви и матери их Софии¹²) (см. фото. 9). Площадь – центральное место города, вокруг которого сосредоточена его культурная жизнь; здесь располагаются: дом культуры, музей, посвященный городу, а также сражению 1807 г., гостиница, кафе и рестораны (см. фото 10). От площади в пяти направлениях расходятся улицы (см. фото 11).

2.4. Туристические достопримечательности

В городе можно осмотреть руины замка XIV в. (например, амбар), готический костел (в настоящее время представляет собой часть фабричного цеха), уже упомянутый выше памятник в честь сражения при Прейсиш-Эйлау (польск. Пруска Ілава Pruska, ныне Багратионовск). Наибольшей популярностью у туристов пользуется церковь (см. фото 9), расположенная на холме с живописным видом на окрестности. В рельеф города вписывается также характерное здание: цветочный салон в виде ветряной мельницы (см. фото 12), в котором можно также найти разнообразные туристические сувениры.

2.5. Архитектура города

Архитектура города типична для Восточной Пруссии: строения из красного кирпича, зачастую выполненные в технике «прусской стены» (нем. Fachwerk), с крытой черепицей крышей, пологие крыши, способные выдержать обильные снегопады и порывистый ветер, что особенно актуально для межсезонья – этот тип кровли защищает и от летнего зноя. Такую архитектуру можно встретить также на польской стороне. Багратионовск серьезно пострадал во время боевых действий во Второй мировой войне. Целый ряд зданий был сравнен с землей, в особенности это касается центра города. Освободившееся пространство было заполнено архитектурой нового типа – многоэтажными жилыми домами. На нововозведенных зданиях появились советские символы – красные звезды (см. фото 13). В городе присутствуют также прусские следы, например, реклама строительной фирмы von Harwardt (см. фото 14).

2.6. Беседы с местными жителями

Местные жители, несмотря на большое этническое многообразие (среди них есть русские, белорусы, украинцы, литовцы, а также грузины, казахи, узбеки), русскоязычны. Жители доброжелательны и охотно рассказывают о городе, его топографии и скромных туристических достопримечательностях.

3. Выводы

Пример Багратионовска выявляет несколько интересных проблем, связанных со следующими аспектами: а) восприятие исследователями проблематики пограничья: отсутствуют

¹² URL: <http://very.cerkov.ru/>. Дата посещения 30. 09.2015.

попытки описания «естественной среды» пограничья, с его спецификой, связанной с близостью к государственной границе, представляющей собой метафорический «культурный горизонт событий»; б) полевые наблюдения склоняют к проверке некоторых аспектов, касающихся теоретических основ культуры, провоцирующих культурные изменения, которые, в свою очередь, есть следствие стремления к улучшению жилищных условий, при ограниченном снабжении и материальных условиях; в) отрицательное влияние формальной границы на культурные контакты и патологии, вызванные ее присутствием.

4. Фотографический материал (Автор снимков Р. Борох)

Фото 1. Пограничный пункт – Безледы

Фото 2. Въезд в Багратионовск

Фото 3. Въезд в Багратионовск (продолжение)

Фото 4. План парка на въезде в Багратионовск

Фото 5. Памятник сражению под Прейсиш-Эйлау 1807 г.

Фото 6. Сердце молодоженов

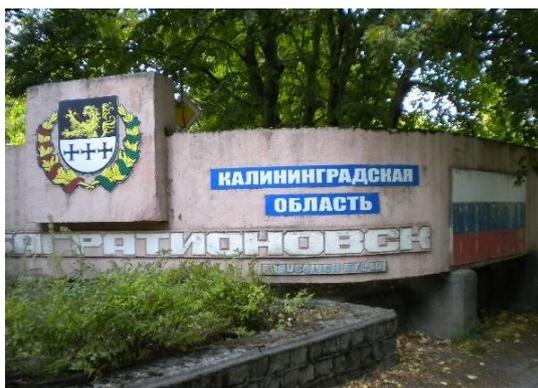

Фото 7. Приветственный знак

Фото 8. Бюст Петра Багратиона (1765–1812)

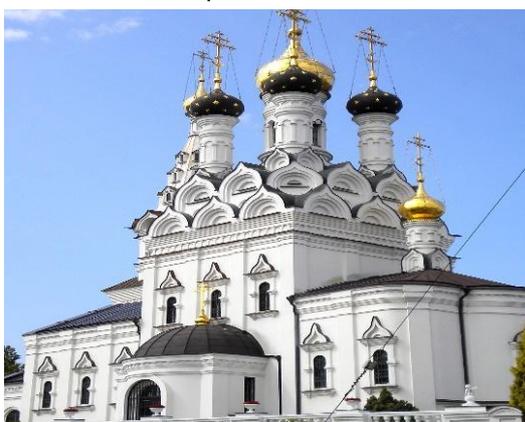

Фото 9. Церковь

Фото 10. Вид на центр города

Фото 11. Улочка в Багратионовске

Фото 12. Мельница-цветочный магазин

Фото 13. Здание с виднеющейся характерной звездой

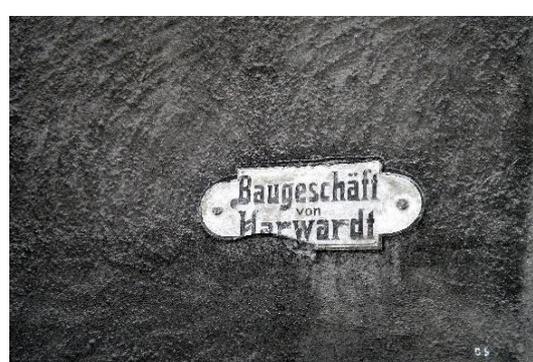

Фото 14. Следы рекламы строительной фирмы von Harwardt

Список литературы

- Buchowski M., Burszta W. O założeniach interpretacji antropologicznej. PWN. – Warszawa, 1992.
Domagała B. Ukraińcy na Warmii i Mazurach. Studium procesów asymilacji. Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego. – Olsztyn, 2009.
Domańska E. Historia egzystencjalna, Wydawnictwo Naukowe PWN. – Warszawa, 2012.
Horst S. Preußisch Eylau – eine Kreisstadt in Ostpreußen. – Lübeck, 1998.
Just P., Monaghan J. Social and Cultural Anthropology: A Very Short Introduction. Kindle Edition 2000, Oxford Paperbacks.
Otello R. Problemy narodowościowe w Kościele ewangelickim na Mazurach w latach 1918–1945, Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego. – Olsztyn, 2003.

Борох Роберт

Варшавский университет. Кафедра межкультурных исследований Центральной и Восточной Европы.

E-mail: rboroch@uw.edu.pl

Статья поступила в редакцию 15.02.2017

Boroch Robert

BAGRATIONOVSK 2015 (RUSSIA) – ANTHROPOLOGICAL RECONNAISSANCE (PROPOSAL FOR A FIELD WORK)

The matter under discussion in this paper is the recollection of theoretical issues on borderland debate that is heavily carried out without proper field recognition. Thus, I provide in this paper summary of field work in Bagrationovsk (Russia) supported by the photographic material.

Key words: *Anthropology of Central and Easter Europe, Borderland Discourse, Russia, Bagrationovsk.*

References

- Buchowski M., Burszta W. O założeniach interpretacji antropologicznej. PWN. – Warszawa, 1992.
Domagała B. Ukraińcy na Warmii i Mazurach. Studium procesów asymilacji. Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego. – Olsztyn, 2009.
Domańska E. Historia egzystencjalna, Wydawnictwo Naukowe PWN. – Warszawa, 2012.
Horst S. Preußisch Eylau – eine Kreisstadt in Ostpreußen. – Lübeck, 1998.
Just P. Monaghan J., Social and Cultural Anthropology: A Very Short Introduction. Kindle Edition 2000, Oxford Paperbacks.
Otello R. Problemy narodowościowe w Kościele ewangelickim na Mazurach w latach 1918–1945, Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego. – Olsztyn, 2003.

Boroch Robert

University of Warsaw. Department of Intercultural Studies in Central and Eastern Europe.

E-mail: rboroch@uw.edu.pl